

Д. А. Бадалян

РОССИЙСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА,
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, РОССИЯ

К национальному самосознанию — от попытки до подвига. Несколько сюжетов из истории славянофильства

Аннотация. В статье рассмотрен ряд проблем, связанных с мировоззрением славянофилов 1840–1880-х гг. и их деятельностью, направленной на развитие у общества национального сознания: их отношение к петровским реформам, к славянскому миру и к революции. Отмечена роль славянофилов в развитии у общества православного мировоззрения и выработке основ будущего церковного устройства, а также представлено их отношение к лозунгу «Православие. Самодержавие. Народность». Рассмотрено отношение к славянофилам правительственных кругов и придворной «немецкой партии». Оспорено распространённое мнение, что славянофилы отрицали существование исторических предпосылок, вызвавших реформы Петра I, и желали возвращения России к допетровским обычаям. Стремление «московской партии» к развитию национальной культуры и формированию национального сознания вызывало постоянное противодействие апологетов европейского космополитизма. Это противодействие было тем сильнее, что таковые составляли заметную часть окружения Николая I (а затем Александра II) и петербургской аристократии. При этом Хомяков и его единомышленники избегали союзов и покровительства, способных нанести ущерб их независимости. Придворная «немецкая партия»

не ограничивалась энергичной защитой интересов остзейского дворянства, но также вела борьбу с любыми попытками, направленными на формирование национального сознания. Последовательный противник славянофилов, она на протяжении десятилетий пользовалась постоянной поддержкой III отделения, а также ряда министров. Именно III отделение с начала 1840-х гг. организовывало кампании в прессе для дискредитации «московской партии» и вообще сторонников развития межславянского общения. Для ограничения влияния славянофилов их враги активно использовали цензуру, в том числе и духовную. В глазах верховной власти и общества их нередко стремились представить революционерами. Те же, напротив, являлись убеждёнными противниками революции, которую рассматривали как искажённую форму религиозного сознания. Единственной альтернативой будущей революционной катастрофе славянофилы считали учреждение в России совещательного Земского собора. Этот орган должен был воплотить их представления о народе как источнике власти.

Ключевые слова: славянофильство, славянство, славянофильская журналистика, петровские реформы, революция, цензура, А. С. Хомяков, К. С. Аксаков, И. С. Аксаков, Ю. Ф. Самарин.

Для цитирования: Бадалян Д. А. К национальному самосознанию — от попытки до подвига. Несколько сюжетов из истории славянофильства // Ортодоксия. — 2021. — № 3. — С. 73–115. DOI: 10.53822/2712-9276-2021-3-73-115

«Славянофилы определили русскую мысль как религиозную по преимууществу. В этом их неумирающая заслуга», – писал в 1912 г. Н. А. Бердяев в своей книге о Хомякове. Характерно, что автор начал её с определения: «Славянофильство — первая попытка нашего самосознания», а завершил утверждением, что славянофилы угадали «направление нашего национального духа и тем совершили подвиг национального самосознания» (Бердяев 1996: 6, 5, 158). Именно подвиг? В чём же тогда он состоял? В качестве ответа на этот вопрос мы рассмотрим несколько аспектов, связанных с деятельностью этого направления.

СЛАВЯНОФИЛЫ И ПЕТРОВСКИЕ РЕФОРМЫ

С 1830-х гг. и до сего дня своеобразным маркером, который позволяет быстро и точно отличить славянофилов и выделить их из несчётного корпуса русской интеллигенции, считается отрицание исторических предпосылок, вызвавших реформы Петра I, и, конечно, осуждение самих этих реформ. Так ли это на самом деле?

Первым подобные суждения высказал П. Я. Чаадаев. Причём ещё на рубеже 1836–1837 гг., то есть в тот момент, когда славянофильство только-только формировалось как особое мировоззрение и ни один из его апологетов не имел возможности изложить свои взгляды публично. По-своему пересказывая учение «новой школы», Чаадаев заявил: «Больше не нужно Запада, надо разрушить создание Петра Великого, надо снова уйти в пустыню». И тут же с осуждением продолжил: «Забыв о том, что сделал для нас Запад, не зная благодарности к великому человеку, который нас цивилизовал, и к Европе, которая нас обучила, они отвергают и Европу, и великого человека, и в пылу увлечения этот новоиспечённый патриотизм уже спешит провозгласить нас любимыми детьми Востока» (Чаадаев 1991: 530).

В том же духе, только с поправкой на то, что у славянофилов не было «отрицательного отношения к Западной Европе», излагает их воззрения и наш современник: «Все беды России начались с петровских преобразований. Ошибка, и даже преступление, Петра заключалась в том, что он уничтожил животворные начала русской жизни и стал искать на Западе непригодные для русского народа формы государственного быта» (Парсамов 2014: 464).

В действительности же отношение славянофилов к деяниям первого российского императора не было настолько вульгарно-упрощённым, чтобы трактовать его как «хорошее» или «плохое». Это видно уже по самым ранним славянофильским работам, которые относятся к концу 1830-х гг. Так, А. С. Хомяков в статье «О старом и новом» создал такой образ императора: «...воля железная, ум необычайный, но обращённый только в одну сторону, человек, для которого мы не находим ни достаточно похвал, ни достаточно упреков, но о котором потомство вспомнит только с благодарностью, — является Пётр» (Хомяков 1988: 46).

В такой же диалектической манере судили о деяниях царя-реформатора и другие славянофилы. Среди них наибольшего антагониста

петровских преобразований чаще всего видят в К. С. Аксакове. Однако в 1845–1846 гг. в диссертации «Ломоносов в истории русской литературы и русского языка» он рассматривал противостояние Петра I и Руси прежней, Руси стрельцов и староверов как борьбу двух односторонних начал. К. С. Аксаков объяснял: «Односторонность есть рычаг истории. [...] Пётр должен был начать с отрицания совершенно полного; и если национальность в тот момент явилась перед ним, как одна сторона, то и он, как одна сторона, односторонне должен был сначала восстать на неё». В петровских реформах К. С. Аксаков видел «дело отрицания чистого, но необходимого, не мёртвого, а плодотворного в общем развитии» (Аксаков 1875: 66).

Рассуждая о Петре I и его деяниях, славянофилы действовали так, как и следует поступать учёным в отношении едва ли не любого исторического деятеля, а тем более решительного реформатора. Они именно вели исследование, избегая и бездумной апологетики, и огульного осуждения. Впрочем, на том пути они не были пионерами. Ведь ещё прежде точно так же взглянул на деятельность Петра Н. М. Карамзин.

Чем же объяснить столь болезненную реакцию оппонентов на обычную научную рефлексию славянофилов? Быть может, дело в том, что тогда именно этот император часто воспринимался не как историческая личность, а как символ? Для власти он являлся символом тогдашней государственности, едва ли не сакральной фигурой. Ведь и Николай I, запрещаая публикацию трагедии М. П. Погодина «Пётр I», так объяснил своё решение: «Память Петра Великого должна быть для нас так священна, что я нахожу неприличным представлять его на сцене, а потому и к напечатанию эта трагедия не может быть дозволена» (Дмитриев 1998: 336). Для западников же, особенно в ситуации полемики, образ императора-реформатора служил символом необходимой европеизации русской культуры. Примером чему — «великий человек», кинувший нам «плащ цивилизации», из первого «Философического письма» Чаадаева (Чаадаев 1991: 330). Символ же по самой природе своей не допускает амбивалентности и противоречий.

Добавим, что представить первого императора как «божественную личность» были не прочь и иные из западников. Так, Белинский в 1841 г., завершая статью «Россия до Петра Великого», восклицал: «Созерцание всякого великого человека [...] возвышает наш дух к началу всяческой жизни, к источнику вечной правды и вечного блага... А кто же более

нашего Петра имеет право на титул великого и божественного и кто же из героев нашей истории может быть ближе к нашему сердцу и духу?..» (Белинский 1954: 152).

Именно Белинский явился своего рода катализатором многолетней борьбы со славянофильством, начатой в 1841–1842 гг. на страницах журнала «Отечественные записки». Уже в самом начале этой кампании он высмеивал славянофилов, именуя их «нашими квасными патриотами», и утверждал, что те любят «делать упреки равнодушию, с которым мы, русские, расстаёмся с преданиями нашей длиннополой старины, и охотности, с которою мы принимаем и усвоиваем всё новое» (Белинский 1954: 127).

В том же духе Белинский продолжил высказываться, перейдя в некресовский «Современник». В 1847 г. его сентенции вызвали энергичные возражения Ю. Ф. Самарина, который в своей статье в журнале «Москвитянин» заявил: «Система спора, принятая критиком в отношении к славянофилам, так удобна, что действительно трудно от неё отказаться. Обыкновенно он навязывает им то, чего они никогда не говорили, а потом опровергает их тем, что они первые сказали» (Самарин 2013: 145).

В заключение статьи, резюмируя свои рассуждения, Самарин привёл ряд тезисов Белинского, некоторые из которых славянофилы «первые пустили в ход, а других никогда не думали отвергать»:

«Россия изжила эпоху преобразования, и для неё настало время развиваться самобытно, из самой себя.

Миновать эпоху преобразования, перескочить за неё нельзя.

Реформа Петра не могла быть случайна.

Пора нам перестать *казаться* и начать *быть*; пора уважать и любить только человеческое и отвергать всё, в чём нет человеческого, будь оно европейское или азиатское.

Крепкое политическое и государственное устройство есть ручательство за внутреннюю силу народа.

Смирение и любовь суть свойства человеческой природы вообще» (Самарин 2013: 151).

Не стоит думать, что после опровержений Ю. Ф. Самарина западническое большинство русского общества признало произошедшее недоразумение и пересмотрело своё отношение к славянофильству. Представления о славянофилах, некогда распространявшиеся Белинским в условиях всё нарастающей общественно-политической конфронтации, были усвоены

его младшими современниками и, более того, вошли в научный оборот. Возникший в середине XIX в. миф о славянофилах оказался настолько жизнестоек (иначе говоря, востребован в определённой части общества), что современные учёные, забыв о необходимости критического анализа источников, повторяют и тиражируют его, дополняя новыми подробностями.

Значит, дело не только в символической роли образа Петра I, но и в том противостоянии, которое велось с наследием славянофилов в XIX и XX вв. и продолжает вестись сейчас, в XXI столетии.

ПРАВИТЕЛЬСТВО И СЛАВЯНОФИЛЫ

В ноябре 1848 г. (дата эта важна, поскольку этот год ознаменован целым рядом европейских революций и восстаний, приведших в чрезвычайное смятение власть в России) Хомяков писал фрейлине графине А. Д. Блудовой: «Вопросы политические не имеют для меня никакого интереса; одно только важно, это вопросы общественные. Напр[имер], у нас правительство самодержавно, это прекрасно; но у нас общество деспотическое: это уж никуда не годится. Вот приблизительный перечень того, что я хотел сказать в статьях своих, разумеется во сколько это возможно при цензуре, которая сама зависит столько же от общества, сколько от правительства» (Хомяков 1900а: 391).

Говоря о равнодушии к «вопросам политическим», Хомяков ничуть не кривил душой, хотя писал это, вероятно, не для одной графини, но и для передачи её придворным знакомым, а также для почтовой перлюстрации. Но о каком обществе рассуждал он? И почему оно оказалось настолько всесильно, что способно было влиять на цензуру не менее правительства?

Подсказку мы найдём в другом письме Хомякова, обращённом к Ю. Ф. Самарину по поводу «сражения» из-за остзейского вопроса, проигранного адресатом в Риге некоему «*». Под письмом стоит дата «1 марта». При его публикации П. И. Бартенев вполне резонно добавил: «1849 г.». Если вспомнить, что уже 5 марта того же года Самарин, в результате доклада Николаю I, представленного Прибалтийским губернатором светлейшим князем А. А. Суворовым, был отправлен под арест, легко догадаться, что последний и был этим неназванным победителем.

О роли А. А. Суворова в этом деле Хомяков рассуждал следующим образом: «* явился уже не представителем правительства, но чиновником общества, имеющим силу от власти, но в то же время способным и к той глухой оппозиции против власти, которая всегда скрывается в нашем полуевропейском бонтоне. Дело наше, в противоположность этому общественному направлению, получило значение простой правды, направления духовного и народного. Олимпу пришлось выбирать между этими двумя направлениями, которые бессознательно он сам в себе заключает» (Хомяков 1900а: 275).

Иными словами, в этих двух письмах, говоря об обществе и «общественном направлении», Хомяков имел в виду близкие к правительственным и придворным кругам силы, которые имели влиятельную поддержку в великосветских салонах («наш полуевропейский бонтон»), а порой, добавим, и в иных учреждениях и корпорациях.

Здесь надо отметить, что доставшаяся нам ещё от XIX в. — от учёных либерального и социалистического направлений, таких как А. Н. Пыпин, А. М. Скабичевский и М. К. Лемке, — традиция представлять общественно-политическую борьбу как противостояние общества (за которое, как правило, выдавалась интеллигенция) и власти во многом изжила себя. Тем более что любой участник этой борьбы должен был быть причислен к либеральному, демократическому (социалистическому) или консервативному направлению. Однако эта, перенятая у западной политической мысли классификация всё чаще не оправдывает себя¹. Власть же при этом традиционно воспринималась как единый монолит.

В действительности же внутри правительственных и придворных кругов шла скрытая борьба кланов или «партий». Иногда она имела причиной столкновение личных амбиций (как, вероятно, в случае вражды военного министра графа А. И. Чернышёва с морским министром св. кн. А. И. Меншиковым). Но чаще это было именно противостояние «направлений», как при отнюдь не дружеской конкуренции III отделения и Министерства внутренних дел или при скрытых противоречиях, разделявших тоже III отделение и Министерство народного просвещения, возглавляемое С. С. Уваровым. Причём в разные периоды отдельные

¹ Это видно и на примере славянофилов, о которых Б. Ф. Егоров в 1969 г. заметил, что их «именовали и крепостниками, и либеральными буржуа, и демократами. Таких разноречивых мнений, кажется, не было высказано ни об одном общественном явлении» (Егоров 1969: 128–129).

придворные группировки и «партии» обретали такую силу, что прямым образом влияли на решения, принимаемые верховной властью.

Как правило, вокруг лидеров этих «направлений» выстраивалась целая система патрон-клиентских отношений. Возможность заручиться покровительством высоких фигур, разумеется, была и у славянофилов, но это означало служить интересам своего патрона и его «партии». Так, Уваров, став ещё только товарищем министра народного просвещения, по словам С. А. Хомякова, неоднократно звал его сына «к себе в секретари не для письмоводства, а для того, чтобы издавать Журнал от Министерства просвещения». Однако тот пренебрёг его предложениями (Мазур 1997: 222). Другой славянофил, И. С. Аксаков, два с половиной года служил чиновником по особым поручениям при министре внутренних дел Л. А. Перовском, выполнял его секретные поручения. Но в 1851 г. он подал в отставку, когда решил, что министр стремится ограничить его литературную деятельность. Куда менее импульсивный Ю. Ф. Самарин, который до 1849 г. тоже служил на аналогичной должности при Л. А. Перовском, а потом был направлен подальше от обеих столиц, вышел в отставку двумя годами позже своего друга.

В связи с этим весьма показательно письмо А. С. Хомякова к Ю. Ф. Самарину, относящееся к середине 1848 г. (т. е. написанное за месяцы до ареста последнего). В нём старший из славянофилов отвечал на вопрос адресата, стоит ли им «действовать за одно с N.» или, наоборот, «никогда с ним действовать не должно»?

П. И. Бартенев, публикуя это письмо, посчитал, что «N.» — это М. П. Погодин, и о нём же Хомяков говорил далее, называя того «приятелем» (Хомяков 1900а : 270)². Однако он не объяснил, почему автор письма сначала старательно избегал упоминания имени Погодина, затем прямо назвал («положим, что Павлов и Погодин нынче тако-го-то мнения»), а потом решил заменить его имя эвфемизмом «приятель»?

Куда убедительнее выглядит версия Д. Ф. Самарина, младшего брата адресата письма, который, прежде чем процитировать его, пояснил, что в нём идёт речь о правительстве (Самарин 1889: XXXVII–XXXVIII),

² При первой публикации этого письма Бартенев не высказал никаких предположений об обсуждаемой фигуре, а в тексте письма обозначил его не «N.», а «*» (Письма А. С. Хомякова к Ю. Ф. Самарину // Русский архив. 1879. № 11. С. 329). При следующей публикации он сменил обозначение на «N.», вероятно, чтобы читатели не спутали его с лицом «*», обсуждаемым Хомяковым в письме от 1 марта 1849 г.

и он же ещё ранее заявил о борьбе «двух партий», на которые разделилось в то время «высшее правительство» (Самарин 1889: IX).

В этом случае каждый нюанс мысли автора не только обретает новый смысл, но и выглядит вполне оправданно. Хомяков пишет: «Кажется мне, ни того, ни другого мнения принимать нельзя. Второе мнение, по мне, совершенно безрассудно; его даже и опровергать не для чего: так невозможно держаться его в практике кому-нибудь, кроме чистых западников. Но и первое, т. е. ваше, может быть принято только с ограничениями. [...] Итак, думать о действии с ним заодно просто невозможно; для этого надобно бы было, чтобы у него было мнение какое-нибудь, а этого-то и нет. Но именно потому, что у него мнения нет, и можно, во-первых, действовать на него; во-вторых, помогать ему в тех случаях, когда он согласен с нами [...]. Смотреть на него как на союзника нельзя; он на это слишком бесхарактерен, но пользоваться им для пользы общей должно, когда он случайно стремится к добру. [...] Но в этом во всём одно условие: сохранять свою независимость и не обращаться в мёртвое орудие в руках приятеля» (Хомяков 1900а : 270–271).

И в том же письме чуть далее Хомяков продолжил: «Приятель немного чем толковее, если и толковее общества. И точно так же может обмануть, что он и постарался доказать в недавнее время» (Хомяков 1900а : 271) (последние слова относились к совершившейся незадолго до того перемене в правительственном курсе относительно остзейского вопроса).

В оставшиеся годы правления Николая I, в силу враждебного отношения к славянофилам III отделения, они не только лишились доверия власти, но и всё более и более казались для неё подозрительными. Начиная со второй половины 1850-х гг. отношение к ним отдельных представителей правительства могло улучшиться. И порой для славянофилов появлялась возможность «помогать приятелю», когда тот оказывался согласен с ними. Примером этому — их активное участие в разработке крестьянской реформы, а также земельной и административной реформ в Царстве Польском, в организации помощи славянам в 1877–1878 гг. или в попытке учреждения Земского собора в 1882 г. Однако и в правление Александра III отношение к славянофилам лишь улучшилось, но не изменилось коренным образом. Ведь и скоропостижная кончина И. С. Аксакова в феврале 1886 г. явилась следствием конфликта, разразившегося между окружением Александра III и этим последним славянофилом.

Здесь возможен вопрос: а как же известный лозунг николаевской эпохи «Православие. Самодержавие. Народность»? Ведь славянофилы — православные монархисты — вполне соответствовали провозглашаемому им принципам. На это надо сказать, что ещё в 1989 г. Н. И. Казаков основанно заявил: «...так называемая “доктрина” Уварова, вопреки мнению последователей Пыпина, не имела общегосударственного значения и не являлась официальной идеологической программой николаевского царствования». И этот же историк показал, что связываемую с уваровским лозунгом «теорию официальной народности» создал не Уваров, а либеральный историк А. Н. Пыпин, который «искусственно сконструировал эту “теорию” из разнородных компонентов» (Казаков 1989: 31; см.: Шевченко 2014: 713–714).

Славянофилы же на протяжении десятилетий предпочитали никак не проявлять своего отношения к этому лозунгу. Когда же в 1884 г. И. С. Аксаков всё-таки заговорил на эту тему, то именно в том духе, что уваровское выражение «надолго скомпрометировало в русском общественном мнении истину, заключающуюся в этом обозначении существенных стихий русской государственной и земской жизни» (Аксаков 1887а : 180). И лишь на исходе XIX столетия Ю. Н. Говоруха-Отрок, рассуждая об «уваровской триаде», подчеркнул, что она «оживила в славянофильстве, углубилась, расширилась, одухотворилась. Православие, Самодержавие, народность — в этом, — утверждал он, — самая сущность славянофильства»³.

«НЕМЕЦКАЯ ПАРТИЯ» И СЛАВЯНОФИЛЫ

Комментируя письмо Хомякова к Ю. Ф. Самарину о борьбе, возникшей из-за положения в Остзейском крае (где местные законы, защищавшие интересы немцев и в первую очередь дворян, де-факто имели приоритет над законами империи), Д. Ф. Самарин добавляет, что важным фактором этой борьбы была «немецкая партия в Петербурге, или, как выразился Ю. Ф., “самообразовавшееся в центре самого правительства особое министерство остзейских дел”» (Самарин 1889: LXXVI). О какой же «немецкой партии» шла речь?

³ Николаев Ю. [Говоруха-Отрок Ю. Н.]. Значение императора Александра III в истории развития нашей культуры // Московские ведомости. — 1894. — 27 окт. — № 295. — С. 3.

В XIX в. в сознании русского общества происходит важный перелом: формируются представления о нации, национальной культуре, национальных интересах, т. е. развивается то, что позднее назовут национальным сознанием, а весь этот процесс в целом — нациестроительством. Начало его в нашей стране связывают с развитием культуры Романтизма. Тогда в публичной сфере возникают споры о «народности», о России и её историческом своеобразии, её отношениях с европейскими странами и месте в мире. Впервые появившиеся в 1820-е гг. новые идеи в культуре постепенно вытесняли представления прошлой эпохи, эпохи Просвещения, с характерным для неё космополитическим сознанием. Однако в политической сфере, в правительственных кругах столкновения национально ориентированных и космополитических сил возникли на десятилетие позже и протекали куда напряжённее. Ведь в окружении императора было немало именитых остзейцев и приезжих иностранцев. Представления о родине и нации для них заменяла идея подданства: они служили не стране, а империи. Точнее — императору, так же как их предки — своему сюзерену.

Николай I, помня, что представители лучших дворянских фамилий однажды уже составили заговор против него, а прежде в результате дворянских переворотов были убиты его отец и дед, сознательно использовал преданных лично ему остзейцев как противовес русскому дворянству. Потому и III отделение император доверил А. Х. Бенкендорфу, а тот от трети до половины штатных должностей в своём ведомстве отдавал немцам или выходцам из других стран.

Остзейцы и иностранцы, более сплочённые и организованные, чем их оппоненты, представляли серьёзную силу, которую современники порой называли «немецкой партией». Едва ли не первым своим противником в правительственных кругах эта «партия» сочла министра народного просвещения Уварова: в 1830-е гг. он инициировал реформу учебных заведений Западного края, где вводилось обучение на русском языке, и Прибалтийского края, где задачи были скромнее: всего лишь добиться знания русского языка учащимися, студентами и профессорами. Это встретило яростное сопротивление остзейцев, поддержанное их столичными покровителями и в первую очередь А. Х. Бенкендорфом.

Спустя десятилетие ещё большее противодействие «немецкая партия» оказала попытке реформировать порядки в Остзейском крае, предпринятой министром внутренних дел Л. А. Перовским. Непосредственным

участником той борьбы являлся Ю. Ф. Самарин. В 1848 г. он писал из Риги К. С. Аксакову: «Систематическое угнетение русских немцами, ежечасное оскорбление русской народности в лице немногих её представителей — вот что волнует во мне кровь» (Самарин 2016: 294).

В феврале 1848 г. генерал-губернатором края вместо Е. А. Головина был назначен А. А. Суворов: это означало поворот в правительственной политике, проводимой в прибалтийских губерниях⁴. Тогда Ю. Ф. Самарин изложил своё видение ситуации в Остзейском крае в цикле статей «Письма из Риги», которые читал в московских и петербургских салонах и распространял в рукописи. Он не только описал бедственное положение прибалтийских крестьян и неравноправное в сравнении с немцами положение городских жителей всех иных национальностей, но прямо заявил о покровительствующей остзейским баронам «немецкой партии». Именно эти статьи привели к его аресту. Но убедить императора, что Ю. Ф. Самарин, крестник Александра I, стал бунтовщиком и заговорщиком, не удалось. После допроса, проведённого лично Николаем I, его направили на службу в провинцию.

Однако это был далеко не первый случай столкновения славянофилов и «немецкой партии». Хотя они редко употребляли этот термин и саму «партию» понимали в широком смысле, т. е. как общественную силу, воплощающую в себе космополитическое, антинациональное сознание.

В 1832 г. И. В. Киреевский, только что начавший издание журнала «Европеец», в заметке «“Горе от ума” на московской сцене» позволил себе один абзац, где без тени симпатии упоминал «иноземцев, променявших своё отечество на Россию» и «иностранцев», которые «родились в России, воспитаны в полурусских обычаях, образованы также поверхностно и отличаются от коренных жителей только своим незнанием русского языка и иностранным окончанием фамилий». И что самое важное — далее Киреевский описывал их как сплочённую партию: «Это незнание языка естественно делает их чужими посреди русских и образует между ними

⁴ Д. И. Воейков так объяснял его суть: «Генерал Головин энергично противодействовал балтийским притязаниям и помогал латышам и эстам в их стремлении к православию, встречавшем такой энергичный отпор со стороны всей сплочённой местной силы дворянства, протестантского духовенства и немецких городов. Но сила эта, опирающаяся в Петербурге на графа Бенкендорфа и многих друзей, добилась смещения генерала Головина и назначения взамен его легкомысленного немецкого студента, носившего имя русское, имя князя Суворова. До самой смерти своей [он] никогда не был русским человеком: добрый, весёлый и приветливый, он был любим всеми, кроме тех русских людей, которые были всегда отданы на съедение всякому иностранному проходивцу и всем домашним центробежным элементам. В 40-х годах в Риге он был тем же, чем оказался в 60-х в С.-Петербурге во время своей известной борьбы с Муравьевым» (Воейков 2007: 714).

и коренными жителями совершенно особенные отношения. Отношения сии, всем им более или менее общие, созидают между ними общие интересы и потому заставляют их сходиться между собою, помогать друг другу и, не условливаясь, действовать заодно» (Киреевский И. В., Киреевский П. В. 2006: 74–75).

После того как III отделение представило Николаю I доклад, в котором Киреевский обвинялся в революционной пропаганде, «Европеец» был закрыт. Но настоящей причиной, вызвавшей столь сильное раздражение тайной полиции, явились, как показала С. В. Берёзкина, именно эти несколько строк об «иностранцах» (Берёзкина 2004; Берёзкина 2009).

Из дальнейшей истории славянофилов видно, что их издания закрывались и получали взыскания при прямом или скрытом участии III отделения. На протяжении десятилетий это учреждение последовательно, вне зависимости от того, кто им руководил, защищало интересы «немецкой партии». Однако самым верным её союзником проявил себя граф П. А. Шувалов, возглавлявший это ведомство в 1866–1874 гг.

Борьбой со славянофилами и вообще «национальным» направлением Шувалов был озабочен более, чем противодействием революционерам. Ведь ещё 18 апреля 1861 г., в самый день официального вступления графа в должность начальника штаба корпуса жандармов и управляющего III отделением, за него ходатайствовал в письме к А. И. Герцену С. С. Громека. Вчерашний подчинённый Шувалова по службе в Министерстве внутренних дел просил издателя «Колокола» пощадить в своих публикациях графа, который, как писал тот, «боится и уважает общественное мнение, т. е. вас» (Громека 1955: 116, 118). Как резонно предположила В. А. Чернуха, делалось это по просьбе самого Шувалова (Чернуха 1989: 15). Стоит ли сомневаться, что следствием услуг, оказанных государственным преступником управляющему III отделением, должны были стать ответные услуги со стороны последнего?⁵

Являясь в 1864–1866 гг. генерал-губернатором Прибалтийского края, Шувалов зарекомендовал себя поборником интересов остзейских баронов и с 1865 г. был включён в матрикул дворян Эзеля (Духанов 1978:

⁵ Таковы были отношения с Герценом министра народного просвещения А. В. Головнина: в начале 1862 г. И. С. Тургенев просил Герцена «не трогай пока Головнина», а в апреле министр обнадежил петербургского издателя Д. Е. Кожанчикова, что выхлопочет ему разрешение на печать доэмигрантских произведений Герцена. Помешало этому то, что вскоре сам Кожанчиков попал под следствие за связь с издателем «Колокола». Затем, в мае, при обсуждении мер противодействия революционной пропаганде, Головнин настоял на отказе от вступления в систематическую полемику с изданиями Герцена (Бадалян 2018: 97, 95).

43–44, 467) (что наделяло его всеми правами остзейского дворянина). И наконец, став руководителем тайной полиции, он снискал себе репутацию самого ярого защитника «сепаратизма Остзейского края» и опоры «немецкой балтийской партии» (Астанков 2014: 265, 278). Видно это и по настойчивости, с которой III отделение добивалось объявления предостережений редактируемой И. С. Аксаковым газете «Москва». Хотя формально они выносились министром внутренних дел П. А. Валуевым, в ведении которого находилась цензура. Включённый в матрикулы Курляндии и Эстляндии, тот и прежде никогда не перечил остзейцам (Духанов 1978: 42–43, 466, 467).

Газета «Москва», выходявшая в 1867–1868 гг., трижды приостанавливалась, так что реальный срок её существования составил менее 15 месяцев. За это время она получила 9 предостережений. По существующим тогда правилам, третье предостережение означало приостановку издания на несколько месяцев. Примечательный факт: самое первое предостережение, как считал Ф. И. Тютчев, было вынесено газете за критику деятельности III отделения. Также и после — каждое третье (т. е. обеспечивающее приостановку издания) объявлялось «Москве» именно за публикации по остзейскому вопросу и вообще о положении немцев в России (их готовили И. С. Аксаков и Ю. Ф. Самарин) (см.: Бадалян 2019: 52–60).

В одной из этих публикаций, передовой статье за 15 октября 1868 г., Аксаков представил пространное и едкое описание «партии в Петербурге», «...которая постоянно пугает высшую власть призраками внутренних опасностей, грозящих будто бы ей от русского народа, только что ею облагодетельствованного и возрождённого! которая всякое живое народное чувство выставляет пред властью как злую революционную похоть; которая заподозривает в её глазах и клеймит прозванием социализма, коммунизма и анархических инстинктов даже сочувствие русского общества к новейшим великим преобразованиям; которая подрывает доверие власти к родному краю, к дарованным ею самою правам, льготам и некоторой гражданской свободе; которая порывается вновь, под предлогом упрочения “консервативных начал”, стеснить самобытное развитие внутренних русских сил, которая пытается вновь, требуя легальности и законности в отношении к полякам и немцам, преумножить для русского центра административный произвол, подчинить мировых судей губернаторам, отменить несместимость судей и т. д. и т. д., — которая, наконец,

с презрением относится ко всяким запросам и требованиям во имя интересов русской народности и, изгибаясь ужом пред иностранцами и русскими подданными нерусской национальности на балтийской и западных окраинах, — является чуть не волком внутри России, в отношении к своим, русским...» (Аксаков 1887б : 129).

Это был третий случай, когда славянофилы заявили о существовании в России враждебной её интересам «немецкой партии». Вероятно, и без этой статьи «Москва», столь резко писавшая о привилегированном положении остзейцев и полемизировавшая с газетой «Весть» (органом антинациональных сил, которому покровительствовал Шувалов), не имела шансов продолжить своё существование. Но эта публикация имела символическое значение: и славянофилы, и отреагировавшая на неё власть демонстрировали, что за 36 лет, прошедших после закрытия «Европейца», в своих важнейших чертах они не изменились. Не случайно в январе 1868 г. Тютчев писал Аксакову: «...в русском обществе два ученья, два направления — русское и антирусское. При содействии существующего порядка, судьбе угодно было, в лице Валуева, поставить антирусское направление верховным и полновластным судьёю всей мыслящей России, и как ни поразительно подобное безобразие, в самых высших сферах к нему относятся равнодушно» (Письма к... 1988: 320).

Следуя Тютчеву, надо признать: в условиях России деление на национальное и антинациональное направления куда оправданнее, чем на либеральное и консервативное.

СЛАВЯНОФИЛЫ И СЛАВЯНСТВО

Сами славянофилы долгое время не называли себя этим именем, и, кроме того, развитие отношений с огромным славянским миром они считали важной, но отнюдь не главной своей задачей.

В сентябре 1839 г. Уваров представил Николаю I неопубликованное стихотворение Хомякова «Киев», рекомендуя автора таким образом: «Известный наш поэт Хомяков, который, как кажется, мог бы один идти по стопам Пушкина, если б постоянно занимался своим искусством». О стихотворении «Орёл», в то время запрещённом к публикации, но известном императору, министр писал ему: «...в котором Хомяков воспевал *соединение всех славянских племён под хоругвь России*» (Барсуков 1885:

159). Иными словами, такую мечту Уваров отметил как достоинство автора и ждал похожего отношения от Николая I.

В начале января 1841 г. министр представил императору первый номер журнала «Москвитянин» и снова привлёк его внимание к стихам Хомякова (Барсуков 1892: 22). Как раз перед этим к Уварову обратился попечитель Киевского учебного округа князь С. И. Давыдов. Он просил разрешения на публикацию в альманахе «Киевлянин» того самого стихотворения Хомякова «Киев», где звучала надежда о воссоединении с жителями Галича и Волыни (находящимися в подданстве Австрийской империи!). Однако Уваров не стал докладывать о том императору, а тянул с ответом, пока ему не доложили, что это стихотворение опубликовали журналы «Маяк» и «Москвитянин». Тогда министр, окончательно отбросив мысль о докладе императору, наложил резолюцию: «Считаю это дело конченным»⁶. Судя по всему, Уварову очень не хотелось снова, спустя менее чем полтора года, заводить с императором разговор о хомяковском «Киеве». Министр стремился поддерживать его автора, но представления того о славянах уже не казались подходящими для напоминания о них Николаю I.

Что же произошло в сознании императора в предыдущие несколько месяцев?

Ещё через полтора года в печати впервые за долгое время был использован термин «славянофилы». Когда-то, в 1800-е гг. его применяли для насмешек над А. С. Шишковым и его сторонниками, которые ратовали за развитие русской речи на основе лексики и правил церковнославянского языка. И вот, в сентябре 1842 г. Белинский вспомнил это слово в рецензии на книжку болгарского просветителя В. Е. Априлова.

Видя в болгарях не народ, а «только племя, не образующее собою никакого политического общества», Белинский растолковывал им: «Ваши ревнители хоть сейчас готовы были бы учредить инквизицию для истребления духа европолюбия и для распространения духа азиатского и обскурантизма, то есть мраколюбия» (Белинский 1955: 343). Из этой статьи выходило, что славянофилы как раз и занимаются «распространением мраколюбия». Слово это быстро вошло в печатный обиход. Его как ярлык навешивали и на литераторов из круга журнала

⁶ Дело о замечании Петербургскому цензурному комитету за пропуск в сборник «Маяк», книга XIV, стихотворения А. С. Хомякова «Киев»... // РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 1391. Л. 9. См.: (Дмитриев, Егоров 2021: 558–563).

«Москвитянин», и на петербургских исследователей славянства, вроде Н. В. Савельева-Ростиславича и И. П. Сахарова, и на тех, кого сегодня принято называть славянофилами.

Что же заставило Белинского и его союзников с таким презрением и высокомерием отзываться о тех, кто закладывал основы будущего славяноведения? Почему обществу активно внушалось, что интерес к славянам непременно связан с распространением «духа азиелюбия и обскурантизма»?

Казалось бы, XIX век стал временем соединения, слияния нескольких прежде веками разделённых наций, в первую очередь — германской и итальянской. Но когда те же самые центростремительные тенденции виделись в действиях некоторых славян, европейские, главным образом германские и австрийские, элиты испытывали волнение и беспокойство. И на рубеже 1830–1840-х гг. они заговорили об опасности «панславизма». Так, ещё авансом, окрестили лишь нарождающееся славянское движение, деятели которого мечтали зачастую не о политическом объединении, а о культурном сближении славянских народов (Волков 1969: 68–69; Мырикова, Ширинянц 2007: 240–244). Беспокойство германской и австрийской аристократии быстро передалось «немецкой партии» в России. Не случайно же О. А. Проскурин, первый указавший на её влияние в литературе и журналистике, ещё в 2000 г. писал: «На Россию немецкая партия смотрела примерно так же, как европейские немецкие дворы смотрели на подчинённое им славянское население, — как на опасную и враждебную “варварскую” стихию, движение которой надо постоянно сдерживать самыми жестокими мерами. Отсюда — повышенная подозрительность по отношению ко всяким проявлениям русского национализма, какую бы социальную и политическую окраску он ни принимал» (Проскурин 2000: 318).

«Партия» эта добивалась того, чтобы Николай I разделил её опасения насчёт славян и привык с подозрением смотреть на всех сочувствующих им. Хотя бы отчасти этого удалось добиться уже в 1840–1841 гг. Поэтому Уваров и стал осторожен в своих рекомендациях стихов Хомякова.

Вслед за тем настал черёд позаботиться о влиянии на общество. Точнее говоря, ближайшие союзники «немецкой партии», подконтрольные III отделению издания Ф. В. Булгарина, Н. И. Греча, Н. А. Полевого, и прежде позволяли себе насмешки над исследователями славянства. Теперь же пришло время организованной кампании по дискредитации

любых поборников славянского возрождения. Подключили к ней и входящий в моду журнал «Отечественные записки». Ведь его издатель А. А. Краевский с конца 1830-х находился под покровительством III отделения. Первым пером этого журнала, как известно, являлся Белинский, имевший с ведомством Бенкендорфа свои прочные связи (Проскурин 2000: 344–346, Бадалян 2021: 97–107).

Судя по статьям неистового Виссариона, с середины 1840-х он не видел более опасных противников, чем славянофилы (в первую очередь в нынешнем значении этого слова). Белинский, исключённый из университета после трёх лет, проведённых на первом курсе, использовал любые средства, чтобы убедить читателей в невежестве и отсталости своих противников. В том числе утверждал, что славянофилы стремятся всю Россию вернуть к допетровским порядкам.

Как раз в середине 1840-х гг. славянофилы попытались организовать систематический выход своих изданий. В одном из них Хомяков безапелляционно заявил: «Славянский мир хранит для человечества если не зародыш, то возможность обновления» (Хомяков 1900: 140). Это был подготовленный Д. А. Валуевым «Сборник исторических и статистических сведений о России и народах ей единоверных и единоплеменных», увидевший свет в декабре 1845 г. Молодой учёный-славист В. А. Панов писал о своём друге Д. А. Валуеве и его издании: «Он сначала хотел назвать его Славянским; но потом изменил это название, когда увидел, что его стали у нас употреблять во зло без всякого толку и разума» (В. [Панов В. А.] 1846: 9). То есть издатель сменил лаконичное название на более пространное и сложное, опасаясь тех, кто незадолго до того (а сборник готовился с 1843 г.) стал употреблять «во зло» термин «славянский».

Благодаря тому же Панову в 1846 и в 1847 гг. вышло ещё по одному славянофильскому сборнику, но затем их издание прекратилось на несколько лет. Произошло это после того, как III отделение предприняло новый шаг, чтобы убедить Николая I в опасности славян и славянофилов. Оно раскрыло действовавшее на Украине тайное Кирилло-Мефодиевское общество. Причём в докладах императору III отделение называло его «Славянским», а его участников и связанных с ним лиц — «славянистами» или «славянофилами». По этому делу был арестован и препровождён в III отделение Ф. В. Чижев, а за другим участником славянофильских изданий — Н. А. Ригельманом — учредили негласный надзор. Однако прямую связь славянофилов и противников самодержавия кирилло-ме-

фодиевцев доказать не удалось. И тогда следствие постаралось преуменьшить вину членов украинского общества: без московских славянофилов они были малоинтересны.

Однако вокруг «московской партии» продолжали формировать атмосферу недоверия и подозрительности. В отчёте III отделения о расследовании Кирилло-Мефодиевского дела от 7 мая 1847 г. императору докладывали, что «в “Отечественных записках” помещено несколько весьма умных и сильных выражений против славянофилов»⁷. И далее сообщалось: «Издатель “Отечественных записок” Краевский поощрён к продолжению помещения в его журнале статей в опровержение славянофильских бредней»⁸.

Что это за «весьма умные и сильные выражения», понять несложно. В 5-м номере «Отечественных записок» появились едкие рецензии на недавно выпущенный славянофилами «Московский литературный и учёный сборник на 1847 год» и на «Путешествие в Черногорию» историка А. Н. Попова (забытое современными исследователями, в то время оно было воспринято рецензентом едва ли не как славянофильский манифест).

В рецензии на «Московский сборник» её авторы, А. Д. Галахов и К. Д. Кавелин, более всего обрушились с критикой на трёх его участников: Ригельмана, Чиждова, Хомякова. Характерно, что именно в том порядке, как эти трое были названы в рецензии и отдельно от них — автор «Путешествия» А. Н. Попов, так же они и только они были поименованы из целого ряда других славянофильских авторов в отчёте III отделения⁹. Иначе говоря, составитель отчёта и рецензенты «Отечественных записок» пользовались одним и тем же исходным «черновиком».

Положение славянофилов хотя бы отчасти изменилось лишь после Крымской войны, когда власть в России увидела цену «союзнической верности» Турции и Австро-Венгрии, где в угнетённом положении находились миллионы славян. В правительственных кругах тогда набирала вес то одна, то другая «партия», и среди них были те, кто считал нужным поддерживать славянство. Тогда И. С. Аксаков попытался создать при журнале «Русская беседа» особую «Славянскую контору». Попытку эту тут же пресекло III отделение, но он продолжал налаживать связи

⁷ Журнал докладов государю императору... // ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1847. Д. 81. Ч. 19. Л. 101 об.

⁸ Там же. Л. 102.

⁹ Там же. Л. 101.

со славянами, продолжал писать о них и без официальной вывески. Потом занимался этим в собственной газете «День» и в издаваемой купцами газете «Москва». За 30 лет после выхода первых славянофильских сборников в стране вырос целый слой читателей, воспитанных на этих изданиях.

В середине 1870-х после начала Боснийско-герцеговинского восстания, восстаний в Болгарии, Сербии и Черногории в стране возникло небывалое прежде «славянское движение». Направляемое Славянским благотворительным комитетом (вскоре преобразованным в Общество, которое возглавлял И. С. Аксаков), оно действовало на народные массы, а те — на общественное мнение. И начавшаяся в апреле 1877 г. Русско-турецкая война — первая для нашей страны, предпринятая властью под давлением общественного мнения. Причём давление это было не политическим (для этого не было подходящих механизмов), а нравственным. Народ воспринял войну как справедливую, как жертву за братьев по вере: родство по вере ставилось славянофилами куда выше родства по крови.

В то же время «немецкая партия» как могла тормозила и даже саботировала подготовку к военным действиям. К примеру, когда Александр II заговорил о неизбежности войны, министр финансов М. Х. Рейтерн заявил, что финансы России к ней не готовы, и вскоре... отбыл в отпуск.

Даже среди наиболее активных деятелей Славянского общества выделялись последние представители славянофилов. И. С. Аксаков руководил отправкой в Сербию русских добровольцев, а затем — обеспечением и вооружением Болгарского ополчения. Князь В. А. Черкасский в действующей армии являлся уполномоченным от управления Общества Красного Креста, а позднее возглавил устройство гражданской администрации в Болгарии.

После того как Россия выиграла войну на поле боя, российская дипломатия, представленная на Берлинском конгрессе Шуваловым, пошла на такие уступки в пользу европейских стран, словно чувствовала себя проигравшей. Тем не менее впервые за несколько столетий на Балканах появились славянские государства. Казалось бы, наступало исполнение давних славянофильских мечтаний. Но вновь созданные княжества поспешили обзавестись конституциями, парламентами и другими атрибутами европейской политической жизни, противниками которых были славянофилы. С лёгкостью подпав под влияние Германии и Австро-Венгрии,

братья-славяне отвернулись от России и спустя всего несколько лет, в 1885 г., затеяли новую, на сей раз Сербо-болгарскую войну.

СЛАВЯНОФИЛЫ, ЦЕРКОВНАЯ ПУБЛИЦИСТИКА И ЦЕРКОВНЫЕ ВЛАСТИ

В пореформенную эпоху, когда началось публичное обсуждение различных церковных проблем — от материального положения священников до установления патриаршества, славянофилы активно включились в этот процесс. Два ярких тому примера — циклы статей, созданные по инициативе И. С. Аксакова. Первый — «Иезуиты и их отношение к России», подготовленный Ю. Ф. Самариным в 1865 г. для газеты «День» и только при жизни автора выдержавший три отдельных издания. Как писал Гиляров-Платонов, «лучшей оценкою силы этого сочинения служит то, что орден Лойолы не дерзнул даже выступить с ответной полемикой» (Гиляров-Платонов 1900: 467–468). Второй — напечатанный в 1882 г. в газете «Русь» цикл из 12 статей протоиерея А. М. Иванцова-Платонова «О русском церковном управлении». Ряд предложений и идей этого автора спустя годы прозвучал на Поместном Соборе 1917–1918 гг. и лёг в основу его постановлений.

Однако столь заинтересованное отношение к идеям славянофилов у мирян и иерархов возникло далеко не сразу.

Д. В. Хитрово, сын близкого друга Хомякова, в записках отца возле упоминания того о посещении Алексеем Степановичем митрополита Филарета в Пасху 1843 г. оставил такой комментарий: «С покойным Высокопреосвященным Митрополитом Филаретом А. С. Хомяков в то время был постоянно очень хорош, но впоследствии их отношения охладели, как сам Хомяков жаловался, но вследствие чего, неизвестно. Главною причиною, что до конца пятидесятих годов Хомякова и его друзей правительство считало какими-то богоотступниками и отчаянными либералами, и это подозрение было довольно сильно с конца сороковых годов. С сего времени Митрополит Филарет, встречая Хомякова в самой Москве, — был с ним холодно вежлив, но, встречаясь с ним за чертами города, был с ним необыкновенно любезен и дружески жал ему руку. Это рассказывал сам Ал<ексей> Ст<епанови>ч» (Воспоминания об Алексее Степановиче 2004: 92).

Причины такого отношения надо искать, конечно, не в расположении границ белокаменной. «В самой Москве» в устах Хомякова, вероятно, означало общение прилюдное, публичное, а «за чертами города» — встречи при неофициальных поездках владыки, с минимумом свидетелей. Как видим, с обвинениями, выдвигаемыми против славянофилов в придворных и светских кругах, вынуждены были считаться и столь влиятельные архиереи. Ведь петербургская аристократия не делала исключений ни для кого: в 1848 г. она заподозрила в проповеди коммунизма Херсонского и Таврического архиепископа Иннокентия (Борисова), который позволил себе рассуждать о необходимости освобождения крестьян (Хомяков 1991: 119, 120), а в 1855 г. наветы «в коммунистическом направлении проповедей» пали на Казанского и Свияжского архиепископа Григория (Постникова) (Хомяков 1900а: 419), в будущем — митрополита Санкт-Петербургского и Новгородского, первоприсутствующего члена Св. Синода.

С середины 1840-х гг. мысль Хомякова всё более и более сосредотачивалась на религиозной сфере. В июне 1845 г. он писал Ю. Ф. Самарину: «...я чувствую и глубоко убежден, [...] что спор религиозный заключает в себе всю сущность и весь смысл всех предстоящих нам жизненных споров» (Хомяков 1900а: 258).

Однако славянофилы, и прежде весьма ограничиваемые цензурой, с 1852 г. по предложению III отделения, поддержанного императором, оказались лишены возможности печататься в России. Вот тогда Хомяков и стал публиковать за границей свои известные полемические брошюры.

Самая первая из них — напечатанная в Париже под псевдонимом Ignotus (Неизвестный) «*Quelques mots par un chrétien orthodoxe sur les communions occidentales à l'occasion d'une brochure de M. Laurentie*» («Несколько слов православного христианина о западных вероисповеданиях. По поводу брошюры г. Лоранси»). Она явилась ответом на работу католического публициста и историка П.-С. Лоранси, оспаривавшего положения статьи Ф. И. Тютчева «Папство и римский вопрос с точки зрения Санкт-Петербурга». Затем, в 1855 и 1858 гг., в Лейпциге увидели свет ещё две полемические работы Хомякова на французском языке под тем же псевдонимом. Позднее он подготовил четыре статьи в форме писем к его католическим оппонентам. Из них две были опубликованы в 1860 г. в парижском журнале «*L'Union Chretienne*».

Уже после кончины Хомякова в 1860 г. друзья предприняли усилия, чтобы его полемические работы были напечатаны по-русски. Этому помогло произошедшее в 1856–1859 гг. сближение со славянофилами двух воспитанников Московской духовной академии, двух «платоников», т. е. стипендиатов митрополита Платона (Левшина) — Н. П. Гилярова-Платонова и тогда ещё не рукоположенного в священники А. М. Иванцова-Платонова.

Первый выполнил переводы двух полемических брошюр Хомякова, а второй, став постоянным сотрудником московского журнала «Православное обозрение», обеспечил публикацию в нём этих брошюр (1863. Т. XII; 1864. Т. XIII) и трактата «Церковь одна» (1864. Т. XIV). Однако... продолжение печати произведений Хомякова в журнале было прервано по решению цензуры. Причём инициатором его явилась отнюдь не духовная цензура, а Совет министра внутренних дел по делам книгопечатания (Лурье 2021: 268). Случай крайне редкий: центральное светское цензурное учреждение вторглось в сферу деятельности цензуры духовной. К тому же речь шла не о столичном журнале, а о выходившем в Московской епархии, где духовная цензура находилась под бдительным контролем митрополита Филарета. И мы вправе предположить, что светскую цензуру возмутила полемика Хомякова с католиками (хотя, конечно, Совет должен был сослаться на иную причину). Министром же внутренних дел в то время был П. А. Валуев, уже проявивший себя как энергичный противник славянофилов.

Спустя несколько лет Ю. Ф. Самарин взялся за издание всех известных на тот момент богословских трудов Хомякова, которые составили 2-й том его собрания сочинений. Печатал он его за границей, в Праге. Том этот увидел свет в августе 1868 г. (хотя на его титуле указано «1867»). Согласно действовавшим законам, такое издание при пересечении границы России подлежало ведению Комитета цензуры иностранной, но разрешение или запрет на его распространение давала духовная цензура. 19 сентября 1868 г. председатель Комитета цензуры иностранной Ф. И. Тютчев передал 2-й том сочинений Хомякова на рассмотрение Санкт-Петербургского комитета духовной цензуры¹⁰, где издание попало на прочтение члену комитета архимандриту Фотию (Щиревскому).

¹⁰ Бумаги за октябрь 1868 года о рассмотрении рукописей и картин... // РГИА. Ф. 807. Оп. 2. Д. 1475. Л. 26.

Тот в своём отзыве от 18 октября заявил: «Книга эта, содержа в себе много хорошего, включает и много мыслей неопределённых, неточных, много даже положительно неверных, неправославных и вообще противных христианскому учению, которые между тем касаются важных предметов веры». Примером этому архимандрит указал в книге 10 конкретных мест и далее, не уточняя сути замечаний, перечислил ещё 43 страницы, содержащие подобные места (Записка цензора 2019: 516–517). Причём сам отзыв, написанный быстрым небрежным почерком, выглядит как черновик или наспех составленная отписка, призванная придать формально-законный вид уже принятому свыше решению. Процитированные же цензором 10 мест не сопровождаются никакими его замечаниями. Обращение к приведённым им кратким, часто вырванным из контекста, цитатам позволяет поставить вопрос: архимандрит Фотий не понял рассуждений Хомякова или же сделал вид, что не понял?

Основываясь на этом отзыве, Комитет духовной цензуры признал невозможным свободное обращение богословских трудов Хомякова. Тютчев, узнав об этом, обратился к обер-прокурору Св. Синода графу Д. А. Толстому со словами: «В кои-то веки появилась у нас книга, содержащая в высшей степени разумною похвалу православной церкви, православной доктрине, [...] и эта-то книга изымается из обращения — не в *Риме*, а в самой России; неужели подобному проявлению чудовищной косности не воспротивится ум, равный вашему?!» (Тютчев 2004: 360–361). Как рассказывал Тютчев дочери, обер-прокурор сразу же ответил, что ничего о запрете не знает и «примет меры к его отмене» (Тютчев 2004: 362–363).

Д. А. Толстой не лукавил, когда писал, что не знал о запрете пражского издания (Бадалян 2017: 115). Получив ответ из духовной цензуры, он не успокоился на том, а предложил рассмотреть книгу на заседании Св. Синода, причём именно в его присутствии¹¹.

Такое заседание состоялось спустя несколько месяцев, 12 февраля 1869 г.¹². Как именно проходило обсуждение богословских трудов Хомякова в Св. Синоде, точных сведений нет. Известен лишь сохранившийся в копии отзыв присутствующего члена Св. Синода архиепископа Нижегородского и Арзамасского Нектария (Надеждина). Автор отзыва,

¹¹ Касательно неодобрения духовною цензурою к выпуску в свет 2-го тома сочинений Хомякова // РГИА. Ф. 797. Оп. 38. 1 отд. 1 ст. Д. 243. Л. 7.

¹² Там же. Л. 8.

датированного 16 января 1869 г., подробно рассмотрел каждое из 10 отмеченных прежде мест и подтвердил обоснованность суждений Хомякова. Он заявил, что затруднение к разрешению произведений светского богослова «исчезает само собою, когда эти места рассматриваются в связи с предыдущими и последующими мыслями автора и в снесении с другими местами той же книги». Выразив удивление позицией столичной духовной цензуры, архиепископ Нектарий выступил за разрешение трудов Хомякова. В заключение он писал: «Неудивительно, что статьи этой книги, печатаемые в разное время, за границею, обращали на себя внимание богословов католических и протестантских. Удивительно будет, если не дадут этой книге должной цены в православном мире» (Отзыв архиепископа Нектария 2019: 521, 529).

Добавим, что являвшийся членом Св. Синода Московский и Коломенский митрополит Иннокентий (Вениаминов) ещё прежде, в октябре 1868 г. с сочувствием отзывался о мыслях, высказанных И. С. Аксаковым в газете «Москва» по поводу книги Хомякова (Сухотин 1894: 605).

Однако в итоге 12 февраля 1869 г. Св. Синод постановил, что «не признаёт возможным разрешить выпуск в свет означенной книги, в настоящем её виде»¹³. Если такое решение было принято по изданию, получившему энергичную защиту присутствующего члена Св. Синода и которое поддержал, по крайней мере поначалу, обер-прокурор, то судьба его, очевидно, решалась в ходе острой борьбы. То, что документы, имеющиеся в Российском государственном историческом архиве в фондах Санкт-Петербургского духовного цензурного комитета и Канцелярии обер-прокурора Св. Синода, не отражают почти никаких обстоятельств этой борьбы, позволяет предположить, что столкновения из-за книги были во многом закулисными и протекали не только в стенах Св. Синода.

Иными словами: сопротивление столичной духовной цензуры, вероятно, было инспирировано заинтересованными силами в светских столичных кругах. Ведь и пятью годами ранее инициатива прекращения издания Хомякова исходила именно от них. И силы эти оказались более могущественны, чем обер-прокурор¹⁴.

¹³ Касательно неодобрения духовною цензурою к выпуску в свет 2-го тома сочинений Хомякова. Л. 10.

¹⁴ Е. М. Феоктистов, вспоминая деятельность графа Толстого на посту министра народного просвещения, рассказывал: «Он вообще старался игнорировать Прибалтийский край по той причине, что не хотел восстановить против себя сильную при дворе немецкую партию и еще гораздо более могущественного графа П. А. Шувалова; объехав почти всю Россию для осмотра учебных заведений, он ни разу не заглянул в Остзейские губернии» (Феоктистов 2001: 125).

Кто же способен был оказать такое давление? Чтобы понять это, стоит обратиться к тому, как легко, спустя 10 лет, в феврале 1879 г., Св. Синод, по прошению издателя П.И. Бартенева, дал разрешение на печать и выпуск 2-го издания тома богословских сочинений Хомякова. При этом прежнее решение Св. Синод объяснял исключительно опасением, что «некоторые тёмные и неопределённые выражения в сих статьях могут дать повод к неверному заключению о несогласной будто бы с православием мысли автора»¹⁵.

Подчеркнём, тогда, как и 10 лет назад, на прежних местах служили обер-прокурор Д. А. Толстой и первенствующий член Св. Синода митрополит Санкт-Петербургский и Новгородский Исидор (Никольский). Что же изменилось? Своих постов и бывшего влияния лишились начальник III отделения и министр внутренних дел — два верных союзника «немецкой партии» — П. А. Шувалов и А. Е. Тимашев¹⁶. Вероятно, ими не исчерпывается круг влиятельных противников книги Хомякова, но без них её запрет вряд ли был возможен. Только ли полемика с католиками светского богослова, бывшего уланского штаб-ротмистра, вызвала их вражду к автору? Или причина была глубже?

А. Ф. Тютчева (в замужестве Аксакова), бывшая выпускница Мюнхенского королевского института благородных девиц, вспоминала о влиянии, оказанном на неё первой же из французских работ Хомякова: «...одна брошюра в несколько страниц — небольшой религиозный полемический трактат о нашей Церкви, очень краткий, но яркий и вдохновенный, — произвёл целый переворот в моём нравственном сознании. [...] За первой брошюрой последовали ещё две, также религиозно-полемического характера, дополнявшие первую. Эти брошюры, запрещённые в России и напечатанные за границей, первое издание которых было немедленно уничтожено иезуитами, были написаны на французском языке, затем переведены на английский и немецкий и наконец уже — на русский. [...] Я никогда не забуду, какой лучезарной радостью исполнилось моё сердце при чтении этих страниц [...]. Таким образом, моя душа и моё сердце сроднилось с Россией благодаря брошюрам Хомякова» (Тютчева 2004: 12–14).

¹⁵ Бумаги за месяц июль 1879 года. Дело о рассмотрении рукописей и книг... // РГИА. Ф. 807. Оп. 2. Д. 1624. Л. 6–6 об.

¹⁶ Вспоминая возникшую во второй половине 1860-х гг. полемику о «немецких окраинах», Феоктистов писал: «...государь как будто одобрял программу, выставленную национальной партией, но на деле не предпринимал ничего в её духе и относился с полным доверием к таким людям, как Шувалов, Валуев и Тимашев, которые не хотели об этой программе и слышать» (Феоктистов 2001: 189).

Отметим последние слова: рассуждения о православии сроднили Тютчеву с Россией (то обстоятельство, что это говорится о 25-летней девушке, родившейся и воспитывавшейся в Германии и в то время плохо владевшей русским языком, лишь усиливает значение сказанного). Она увидела, что Хомяков не православие связывал с Россией, а наоборот: Россию — с православием.

Менее чем за три года до смерти, завершая статью под названием «О юридических вопросах», Хомяков спрашивал читателей о том, какова историческая задача России? И сам же отвечал: «Вздумали бы мы быть самым могучим, самым материально-сильным обществом? Испробовано. Или самым богатым, или самым грамотным, или даже самым умственно-развитым обществом? Всё равно: успеха бы не было ни в чём. [...] потому, что никакая низшая задача не получит всенародного сознания и не привлечёт всенародного сочувствия, а без того успех невозможен. Нечего делать: России надобно быть или самым нравственным, т. е. самым христианским из всех человеческих обществ, или ничем; но ей легче вовсе не быть, чем быть ничем» (Хомяков 1900б: 337).

СЛАВЯНОФИЛЫ И РЕВОЛЮЦИЯ

В 1848 г., когда революционная стихия в считанные месяцы распространялась по странам континентальной Европы, перепуганное петербургское общество ожидало таких же беспорядков в России. Между тем народ оставался спокоен. Славянофилы видели в этом подтверждение своих прежних суждений о том, что наше отечество в отличие от Европы живёт по собственным законам, а российское дворянство оторвано от народа, не понимает и не чувствует его. В этом оно мало чем отличалось от европейских привилегированных сословий.

Хомяков, который как раз в то время оказался в Санкт-Петербурге, рассказывал: «Славянофилов иначе не называли, как *les girondins*, но смешивая от страха произнести, одного называли Л. Блан, другого Мари и пр. Остальных метили общим именем коммунисты»¹⁷. Отчасти подобное отношение можно объяснить страхом, охватившим петербургскую

¹⁷ (Хомяков 1991: 119). *Les girondins* (фр.) — жирондисты. Луи Блан (1811–1882) — французский социалист, публицист и историк, член временного правительства; Пьер Мари де Сен-Жорж (Пьер Александр Тома Эмабль Мари де Сен-Жорж; 1795–1870) — адвокат, министр юстиции во временном правительстве.

аристократию. Однако куда более важным основанием к тому являлись обвинения, сознательно возводимые на славянофилов «немецкой партией» и представлявшим её интересы III отделением. Вспомним, что первым из них, кто столкнулся с подобными наговорами ещё в 1832 г., был И. В. Киреевский.

И вплоть до конца 1870-х гг. верховная власть с доверием внимала тем, кто смешивал славянофилов с социалистами, называя их «демократами» или «красными». Так, С. П. Зыков рассказывал о редакторе «Вестей», союзнике Шувалова В. Д. Скарятине и разговорах, которые тот вёл: «...он прямо уверял, что у них, у этих защитников польских и немецких интересов в России, есть верное средство всегда остановить Государя от исполнения советов этой безобразной (т. е. «русской». — Д. Б.) партии: стоит только напомнить о Каракозове» (Зыков 1910: 491).

Добавим, что теми же самыми приёмами пользовались и иностранные недруги славянофилов. К примеру, в 1878 г., после окончания Русско-турецкой войны английская газета «The Times», со ссылкой на немецкое либеральное издание «Weser Zeitung», заявляла о «давлении, которое — под предлогом борьбы за национальные интересы — оказывает на правительственные круги революционный Панславистский комитет» и добавляла, что для разжигания войны Аксаков «не пренебрегал даже угрозами правящей династии»¹⁸. Впрочем, когда политическая конъюнктура изменилась, на Западе и у нас в стране недавних «революционеров» стали представлять оголтелыми консерваторами.

Каково же в действительности было отношение славянофилов к революции?

Зачастую они рассматривали её как проявление пусть и искажённого, но религиозного сознания. Ведь и политическому кризису 1848 г. предшествовал, как разъяснял Хомяков, глубокий духовный кризис. «Папство Григория идёт туда ж, куда Карлова Империя, в исторический архив. Туда же за ними протестантство и католицизм. Поле чисто. Православие на мировом череду. Славянские племена на мировом череду», — писал он А. Н. Попову в марте того же года (Хомяков 1900а: 177).

Распространявшиеся в то время идеи домарксистского социализма Хомяков называл «политическим протестантством», который стремится

¹⁸ The Times. 1878. 16 aug. P. 3. В переводе: Речь И. С. Аксакова о Берлинском конгрессе и его последующая ссылка в письмах и документах июня-ноября 1878 г. / Публ. Д. А. Бадаляна // Цензура в России: история и современность : с. науч. трудов. Вып. 6. СПб., 2013. С. 392.

ся разрешить «задачу общества» только «новой формой, враждебной прежним формам, но в сущности тождественной с ними» (Хомяков 1900а: 178), иначе говоря: пытается изменить общество не через его воспитание, а путём изменения политического порядка.

К. С. Аксаков в том же самом явлении акцентировал иные аспекты. В апреле 1848 г., напомнив библейскую заповедь «Не сотвори себе кумира», он утверждал: «Запад сотворил себе кумира из правительства, обоготворил его и поклонился перед ним». Поясняя эту мысль, К. С. Аксаков рассуждал: «Запад поверил в совершенство правительства или, лучше, в возможность его совершенства, и отсюда необходимо возникла революция как грешный путь к земному невозможному совершенству. Революция есть необходимое следствие *рабского* чувства перед правительством, следствие *обожания*¹⁹ его, веры в его совершенство» (Аксаков К. С., Аксаков И. С. 2010: 184).

В отличие от Запада, подчёркивал К. С. Аксаков, «Россия *никогда не обоготворяла правительства*, [...] смотрела на него как на дело второстепенное, считая первостепенным делом *Веру* и спасение души» (Аксаков К. С., Аксаков И. С. 2010: 184–185). Однако петровские реформы нарушили традиционный уклад жизни и отношения власти и народа, основанные прежде на взаимном уважении (воплощением чего славянофилы считали Земские соборы XVI–XVII вв.). Поэтому в предназначенной для молодого императора Александра II «Записке о внутреннем состоянии России» К. С. Аксаков предупреждал: «Как скоро правительство отнимает постоянно внутреннюю, общественную свободу народа, оно заставит наконец искать свободы внешней политической. Чем долее будет продолжаться петровская правительственная система, [...] тем грознее будут революционные попытки, которые сокрушат наконец Россию, когда она перестанет быть Россией» (Аксаков К. С., Аксаков И. С. 2010: 244).

Началом этих попыток стали потрясения 1862–1863 гг.: появление прокламации «Молодая Россия», объявившей целью «кровавую и неумолимую» революцию, петербургские пожары 1862 г., студенческие волнения, поддержка социалистами Польского восстания... С этого времени славянофилы отказались от любого сотрудничества с социалистами, а ведь

¹⁹ Так и в публикации статьи К. С. Аксакова «Голос из Москвы», впервые осуществлённой по автографу В. А. Кошелевым (Аксаков К. С. Голос из Москвы / публ., предисл. и примеч. В. А. Кошелева // Литература и история: (Исторический процесс в творческом сознании русских писателей XVIII–XX вв.). СПб., 1992. С. 297). Однако исходя из контекста, можно предположить, что К. С. Аксаков писал об «обожении», а не об «обожании».

ещё недавно И. С. Аксаков и его единомышленники печатались в зарубежных изданиях А. И. Герцена (впрочем — не только они, но и К. П. Победоносцев, а М. Н. Катков обсуждал с будущим «апостолом революции» план совместной газеты).

Прозвучавшая из уст К. С. Аксакова мысль о том, что «поклонение земной власти непременно сопряжено с безверием» (Аксаков К. С., Аксаков И. С. 2010: 185), обрела продолжение в 1874 г. в книге его брата. И. С. Аксаков печатно заявил о непримиримом «противоборстве Революции с Россией», которое объяснял словами Ф. И. Тютчева: «Россия прежде всего держава христианская» (Аксаков 1997: 135). Для «новейших социалистов», подчёркивал И. С. Аксаков, «главный враг, по ненависти к которому они все, без различия наций, сознают себя братьями, — это христианство» (Аксаков 1997: 141).

Тем не менее И. С. Аксаков чрезвычайно остро реагировал на поступки высших чиновников, которые создавали всё новые поводы для возмущения и крамолы: ведь пусть не осознанно, но они, провоцируя смуту, играли ту же историческую роль, что и революционеры. Так, в июле 1862 г. в письме Н. С. Соханской, обсуждая деятельность властей, в ведении которых находилась цензура, он заявил: «Преследуют молодых людей за то, что они, не мирясь с современною мерзостью и взросши в атмосфере всякой кривды, мучимые жаждою протеста, безумствуют, губят себя и других, — но что же должно сделать с сими родоначальниками мерзости и зла, вызывающими преступные протесты молодого поколения?» (Семья Аксаковых и Н. С. Соханская (Кохановская) 2018: 191).

Позднее, в 1871 г., И. С. Аксаков внимательно следил за судебным процессом по делу нечаевской организации «Народная расправа». Тогда вскрылась «целая нравственная эпидемия», как писал он в августе 1871 г. свояченице Е. Ф. Тютчевой, «которой заражена вся молодежь и которой причины и надо исследовать». При этом И. С. Аксаков подчёркивал, что эпидемию эту «не излечить заключением в крепости, ни презрительным к ней отношением профессоров-генералов, ни казённою проповедью нравственности с церковных кафедр». И далее он восклицал: «Сгореть от стыда и угрызений совести должны бы наши архиереи и наши правители! Но архиереям и горя мало, они уже сложились в том^{20*} типе, от которого пахнет как от трупа; но правители, вводящие на сцену канкан; уживающиеся с гривуазными песнями

²⁰ * Далее зачёркнуто: пошлом.

и картинами на императорской сцене, одним словом, практикующие самый грубый материализм, — с ожесточением преследует материализм абстрактный, почти идеальный, исповедуемый современной молодежью (которая в то же время не пьянствует, не играет в карты, не посещает ни театров, ни публичных домов), и думает разделаться с ним грубою силою»²¹.

Подобно социалистам, славянофилы возмущались окружающей несправедливостью, подобно многим из них, видели залог будущего развития в крестьянской общине. Наконец, подобно им, славянофилы считали источником власти именно народ (только заявить об этом публично из-за бдительности цензуры не могли). «Самодержавие не есть религиозная истина или непреложный догмат веры», — так убеждённый защитник монархии И. С. Аксаков заявлял в одной из незаконченных своих статей (Аксаков 2002: 897).

Стоит ли удивляться, что не только враги славянофилов, но и сочувствующие им были порой убеждены в близости взглядов их и народников?²²

Уже после убийства народовольцами Александра II, в апреле 1881 г., к И. С. Аксакову обратился с письмом незнакомый ему молодой москвич П. В. Новицкий, который по прочтении передовой статьи в аксаковской газете «Русь», «обращенной главным образом против русских социалистов» (т. е. именно царевбийц), удивлялся и восклицал: «...их желания тождественны с Вашими. Вообще можно сказать, что социалисты первые старались перенести из теории в жизнь проповедь Вашей партии, а за это ругать Вам их не следовало бы так»²³.

Отвечая Новицкому, И. С. Аксаков провёл чёткую грань между двумя общественными явлениями. В письме к нему он объяснял: «Для славянофилов на первом плане начало нравственной правды — *Христианство*, так же как и для русского народа: это народ христианский. Следовательно, славянофилы враги всякого насилия, всякого обмана, всякого заговора, всякого убийства и т. п. — Это существеннейшая разница, в которой весь

²¹ Письмо И. С. Аксакова Е. Ф. Тютчевой, 1 августа [1871 г.] // РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. Д. 60. Без нумерации.

²² Добавим, что Бердяев в своей книге о Хомякове, называя его «народником» и «демократом», утверждает: «Славянофильской идеологии Хомякова присущи все черты национально-русского народничества вообще» (Бердяев 1996: 128). Современный исследователь А. А. Попов считает, что взгляды Хомякова «по своему идейному содержанию являлись одним из источников народничества» (Попов 2013: 12).

²³ Письмо П. В. Новицкого И. С. Аксакову, 17 апреля 1881 г. // РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 435. Без нумерации.

центр тягости»²⁴. Ту же мысль И. С. Аксаков развивал в своей следующей передовой статье в газете «Русь» (Аксаков 1887а: 648). И уже в июне 1885 г. он повторил её в письме к К. К. Толстому: «Потребность истинного осуществления христианских идеалов в жизни не из нигилизма исходит. [...] Ибо христианский идеал требует прежде всего любви и смирения». В том же письме И. С. Аксаков объяснял: «Сам по себе, как положительная проповедь, нигилизм — нелепость и в логическом развитии приводит к динамиту. Логически — вне Бога — цивилизация ведёт к одичанию, гуманность — к человеконенавидению»²⁵.

Единственной альтернативой революционной катастрофе, выходом из развивавшегося на рубеже 1870–1880-х гг. кризиса отношений власти, общества и народа, И. С. Аксаков и его союзники считали возрождение практики совещательных всесословных Земских соборов (см.: Бадалян 2017). В 1882 г. по инициативе И. С. Аксакова министр внутренних дел граф Н. П. Игнатьев предпринял попытку добиться учреждения Земского собора, приуроченного к коронации Александра III. Однако попытка эта была сорвана усилиями обер-прокурора Св. Синода К. П. Победоносцева и ряда министров, которых поддержал издатель газеты «Московские ведомости» М. Н. Катков (Бадалян 2013: 30–34).

Уже после смерти И. С. Аксакова, вплоть до начала XX в. сторонниками идеи Земских соборов выступали некоторые неославянофилы. В частности, Д. Ф. Самарин и С. Ф. Шарапов. Самым же энергичным её пропагандистом был, пожалуй, А. А. Киреев. Он всеми силами отстаивал идею совещательного Собора вплоть до осени 1905 г., когда власть пошла на создание европейского парламента — Государственной думы. Впрочем, и после роспуска 3 июня 1907 г. Второй Государственной думы Киреев и иные из неославянофилов заявляли о необходимости возврата к разработанному под руководством А. Г. Булыгина проекту совещательной думы. Однако председатель совета министров П. А. Столыпин настаивал, что отказ от однажды провозглашённой законодательной Думы приведёт к революции.

В итоге революцию провозгласили депутаты Четвёртой Государственной думы. Они увидели её в кровавом солдатском погроме 27 февраля 1917 г. и тем самым положили начало разрушению государственного строя. Таким образом, исполнилось когда-то предсказанное К. С. Аксаковым...

²⁴ Письмо И. С. Аксакова П. В. Новицкому, 20 апреля 1881 г. Копия // РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. Д. 29. Л. 2.

²⁵ Письмо И. С. Аксакова К. К. Толстому, 11 июня 1885 г. Копия // РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. Д. 58. Л. 18.

Сведения об авторе

Бадалян Дмитрий Александрович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела книговедения, Российская национальная библиотека; доцент, Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета; 191069, Санкт-Петербург, Садовая ул., д. 18; email: dmit.bad@gmail.com

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проект № 20-011-42018.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Аксаков И. С. Биография Фёдора Ивановича Тютчева. Репринтное воспроизведение издания 1886 года. — М. : АО «Кн. и бизнес», 1997. — 327 с.

Аксаков И. С. Отчего так нелегко живётся в России? — М. : РОССПЭН, 2002. — 1007 с.

Аксаков К. С. Полн. собр. соч. — М. : Университетская тип. (Катков и К°), 1875. — Т. 2. — 661 с.

Аксаков К. С. Полн. собр. соч. — М. : Тип. М. Г. Волчанинова (бывш. М. Н. Лаврова и К°), 1887. — Т. 5. — 675 с.

Аксаков И. С. Полн. собр. соч. — М. : Тип. М. Г. Волчанинова (бывш. М. Н. Лаврова и К°), 1887. — Т. 6. — 613 с.

Аксаков К. С., Аксаков И. С. Избранные труды. — М. : Российская политическая энцикл. (РОССПЭН), 2010. — 887 с.

Астанков В. А. Государственная деятельность цесаревича Александра Александровича и его восприятие правительственной политики в 1865–1881 гг. Диссертация ... кандидата истор. наук. — МГУ, исторический факультет. — М., 2014. — 187 с.

Бадалян Д. А. В. Г. Белинский-публицист: метаморфозы в борьбе литературных партий // Русская публицистика: эволюция идей и форм: сб. ст. — СПб. : Алетейя, 2021. — С. 89–109.

Бадалян Д. А. Журналист, общественное мнение и власть: издания М. Н. Каткова в «царских обозрениях» 1860–1866 годов // Тетради по консерватизму. — 2018. — № 3. — С. 89–118.

Бадалян Д. А. Заграничные издания Ю. Ф. Самарина 1868–1871 гг., цензура и Ф. И. Тютчев // Цензура в России: история

и современность : сб. науч. трудов. Вып. 8. — СПб. : РНБ, 2017. — С. 112–138.

Бадалян Д. А. Полемика о Земском соборе в русской прессе начала 1880-х гг. // Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. Т. 201. Книжное дело вчера, сегодня, завтра. — СПб., 2013. — С. 27–36.

Бадалян Д. А. Понятие «Земский собор» в произведениях литературы и публицистики славянофилов // История и литература: Материалы Всероссийской научной конференции. — СПб. : Культурно-просветительское товарищество, 2017. — С. 220–230.

Бадалян Д. А. Ю. Ф. Самарин, славянофилы и борьба с «немецкой партией» // Тетради по консерватизму. — 2019. — № 2. — С. 41–67.

Барсуков Н. П. Жизнь и труды Н. П. Погодина. Кн. 6. — СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1892. — 401 с.

Барсуков Н. П. Заметка об А. С. Хомякове // Русский архив. — 1885. — № 9. — С. 158–160.

Белинский В. Г. Полн. собр. соч. — М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1954. — Т. 5. — 863 с.

Белинский В. Г. Полн. собр. соч. — М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1955. — Т. 6. — 799 с.

Бердяев Н. А. Алексей Степанович Хомяков. — Томск : Водолей, 1996. — 160 с.

Берёзкина С. В. «Немцы» против «Европейца» // Москва. — 2009. — № 3. — С. 201–213.

Берёзкина С. В. Вокруг запрещения журнала «Европеец» // Временник Пушкинской комиссии : сб. науч. трудов. Вып. 29. — СПб. : Наука, 2004. — С. 226–248.

В. [Панов В. А.] Биография Дмитрия Александровича Волуева. — М. : Тип. Августа Семена, 1846. — 18 с.

Воейков Д. И. Ю. Ф. Самарин. Крупный русский деятель пред лицом двух государей, 1848–1868 // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: альманах. Вып. 16. — М. : Рос. фонд культуры, Студия «Тритэ» Никиты Михалкова, Рос. архив, 2007. — С. 713–721.

Волков В. К. К вопросу о происхождении терминов «пангерманизм» и «панславизм» // Славяно-германские культурные связи и отношения. — М. : Наука, 1969. — С. 25–69.

Воспоминания об Алексее Степановиче Хомякове / публ., вступ. заметка и прим. Е. Е. Давыдовой // Наше наследие. — 2004. — № 71. — С. 91–94.

Гиляров-Платонов Н. П. Сборник сочинений. — М. : Изд. К. П. Победоносцева, 1900. — Т. 2. — 526 с.

Дмитриев А. П., Егоров Б. Ф. Комментарии // Хомяков А. С. Полн. собр. соч. и писем : в 12 т. — СПб. : Росток, 2021. — Т. 1. — С. 486–662.

Дмитриев М. М. Главы из воспоминаний моей жизни. — М. : Новое лит. обозрение, 1998. — 750 с.

Духанов М. М. Остзейцы: Политика остзейского дворянства в 50–70-х гг. XIX в. и критика её апологетической историографии. — Рига : Лиесма, 1978. — 475 с.

Егоров Б. Ф. Проблема, которую необходимо решить // Вопросы литературы. — 1969. — № 5. — С. 128–135.

Записка цензора архимандрита Фотия (Щиревского) о втором томе сочинений А. С. Хомякова / вступ. ст., подгот. текста и коммент. Д. А. Бадаляна // Цензура в России: история и современность: сб. науч. трудов. Вып. 9. — СПб. : РНБ, 2019. — С. 516–517.

Зыков С. П. наброски из моей жизни // Русская старина. — 1910. — № 6. — С. 483–525.

Казаков Н. И. Об одной идеологической формуле николаевской эпохи // Контекст–1989: Литературно-теоретические исследования. — М. : Наука, 1989. — С. 5–41.

Киреевский И. В., Киреевский П. В. Полн. собр. соч. — Калуга : Гриф, 2006. — Т. 2. — 364 с.

Лурье В. М. Комментарии // Хомяков А. С. Полн. собр. соч. и писем: в 12 т. — СПб. : Росток, 2021. — Т. 8. — С. 197–386.

Мазур Н. Н. К ранней биографии А. С. Хомякова (1810–1820) // Лотмановский сборник. — М. : ОГИ; Изд-во РГТУ, 1997. — Т. 2. — С. 195–223.

Мырикова А. В., Шириянец А. А. Русофобский миф «панславизма» // Актуальные проблемы современного руссиеведения : сб. науч. ст. — М. : Кубанское отделение РФО; Издатель А. В. Воробьёв, 2007. — С. 240–244.

Отзыв архиепископа Нектария (Надеждина) о втором томе сочинений А. С. Хомякова / вступ. ст., подгот. текста и коммент. А. Г. Юшко // Цензура в России: история и современность : сб. науч. трудов. Вып. 9. — СПб. : РНБ, 2019. — С. 519–530.

Парсамов В. С. Русский XIX век // Всемирная история : в 6 т. — М. : Наука, 2014. — Т. 5. — С. 450–503.

Письма к московским публицистам / публ. К. В. Пигарева // Литературное наследство. — 1988. — Т. 97. — Кн. 1. — С. 258–430.

Попов А. А. Хомяков и его социальная утопия // Хомяков А. С. Философские и богословские произведения. — М. : Книжный Клуб Книговек, 2013. — С. 3–26.

Проскурин О. А. Литературные скандалы пушкинской эпохи. — М. : ОГИ, 2000. — 366 с.

С. С. Громека — Герцену / публ. Е. Л. Рудницкой // Литературное наследство. — 1955. — Т. 62. — С. 105–122.

Самарин Д. Ф. Предисловие // Самарин Ю. Ф. Сочинения. Т. 7: Письма из Риги и История Риги. — М. : Тип. А. И. Мамонтова и К°, 1889. — С. I–CXXXV.

Самарин Ю. Ф. Собр. соч. : в 5 т. — СПб. : Росток, 2013. — Т. 1. — 527 с.

Самарин Ю. Ф. Собр. соч. : в 5 т. — СПб. : Росток, 2016. — Т. 3. — 927 с.

Семья Аксаковых и Н. С. Соханская (Кохановская): Переписка (1858–1884) / сост. О. Л. Фетисенко. — СПб. : Пушкинский Дом, 2018. — 600 с.

Сухотин С. М. Из памятных тетрадей С. М. Сухотина // Русский архив. Кн. I. — Вып. 4. — 1894. — С. 599–610.

Тютчев Ф. И. Полн. собр. соч. и письма. — М. : Классика, 2004. — Т. 6. — 590 с.

Тютчева А. Ф. Воспоминания. — М. : Захаров, 2004. — 591 с.

Феоктистов Е. М. За кулисами политики и литературы // За кулисами политики / Е. М. Феоктистов, В. Д. Новицкий, Ф. Лир, М. Э. Клейнмихель. — М. : Фонд Сергея Дубова, 2001. — С. 9–254.

Хомяков А. С. <Политические письма 1848 года> / публ. и прим. В. А. Кошелева // Вопросы философии. — 1991. — № 3. — С. 109–132.

Хомяков А. С. О старом и новом. — М. : Современник, 1988. — 461 с.

Хомяков А. С. Полн. собр. соч. — М. : Унив. тип., 1900. — Т. 3. — 504 с.

Хомяков А. С. Полн. собр. соч. — М. : Унив. тип., 1900. — Т. 8. — 543 с.

Чаадаев П. Я. Полн. собр. соч. и избр. письма : в 2 т. — М. : Наука, 1991. — Т. 1. — 798 с.

Чернуха В. Г. Правительственная политика в отношении печати 60–70-е годы XIX века. — Л. : Наука. Ленинградское отделение, 1989. — 207 с.

Шевченко М. М. «Официальной народности» теория // Большая Российская энциклопедия. — М. : Большая Российская энциклопедия, 2014. — Т. 24. — С. 713–714.

On the Road to the National Identity — from Tentative Steps to Achievements. Several Events from the History of Slavophilism

D. A. Badalian

NATIONAL LIBRARY OF RUSSIA, SAINT PETERSBURG STATE UNIVERSITY,
SAINT-PETERSBURG, RUSSIA.

Abstract: The article researches a number of issues related to the Slavophile worldview in the 1840s–1880s and their work aimed at the development of the national consciousness in the Russian society: their attitude to Peter the Great’s reforms, to the Slavic world and to the revolution. The article also examines the role the Slavophiles had played in the development of the Orthodox outlook in the society and the foundations of the future Church structure, and their attitude to the slogan “Orthodoxy. Autocracy. Nationality”. It also considers the attitude to Slavophiles among the government circles and the so-called “German Party” at court. The article disputes the widespread opinion of the Slavophiles denying the existence of historical prerequisites that had caused the reforms of Peter the Great, and hankering after Russia’s return to pre-Petrine traditions. The desire of the “Moscow Party” for the development of the national culture and the formation of the national consciousness caused the constant opposition on the part of apologists of the European cosmopolitanism. The opposition was all the stronger because it formed a significant part of the entourage of Nicholas I (and then Alexander II) and the St. Petersburg aristocracy. At the same time, Khomyakov and his associates tended

to avoid alliances and patronage that could damage their independence. The so-called “German Party” at court did not limit its actions to vigorously defending the interests of the Baltic nobility, but actively struggled against any attempts to form the national consciousness. A consistent opponent of the Slavophiles, for decades it had enjoyed the constant support of the Third Department, as well as a number of ministers. And it was none other than the Third Department, that since the beginning of the 1840s had organized press campaigns to discredit the “Moscow Party” and general supporters of the development of inter-Slavic communication. To limit the influence of the Slavophiles, their opponents resorted to the active use of censorship, including its spiritual kind. With the Slavophiles being staunch opponents of the revolution, which they viewed as a distorted form of the religious consciousness, their enemies often sought to represent them as revolutionaries in the eyes of the supreme power and the society. The Slavophiles considered the establishment of an advisory Zemsky Sobor in Russia to be the only alternative to the future revolutionary catastrophe. This authority was meant to embody their ideas about the common people as a source of power.

Keywords: Slavophilism, Slavism, Slavophile journalism, Petrine reforms, revolution, censorship, A. S. Khomyakov, K. S. Aksakov, I. S. Aksakov, Yu. F. Samarin.

For citation: Badalian D. A. (2021). On the Road to the National Identity – from Tentative Steps to Achievements. Several Events from the History of Slavophilism. *Orthodoxia*, (3), 73–115. [In Russian]. DOI: 10.53822/2712-9276-2021-3-73-115

About the author:

Dmitrii A. Badalian — Candidate of Historical Sciences, Senior academic researcher of Research Department of Bibliography, National library of Russia, Associate Professor of High School of Journalism and Mass Communications, Saint-Petersburg State University, 18, Sadovaya str, Saint-Petersburg, Russia, 191069; e-mail: dmit.bad@gmail.com

Acknowledgements

The reported study was funded by RFBR, project number № 20–011–42018.

REFERENCES

- Aksakov, I. S. (1997). *Biografiia Fedora Ivanovicha Tiutcheva. Reprintnoe vosproizvedenie izdaniia 1886 goda* [Biography of Fedor Ivanovich Tyutchev. Reprint of the 1886 Edition]. Moscow: AO "Kniga i biznes". [In Russian].
- Aksakov, I. S. (2002). *Otchego tak nelegko zhivetsia v Rossii?* [Why is it So Hard to Live in Russia?]. Moscow: ROSSPEN, 2002. [In Russian].
- Aksakov, K. S. (1875). *Complete Works* (Vol. 2). Moscow: Universitetskaia tipografiia. [In Russian].
- Aksakov, K. S. (1887^a). *Complete Works* (Vol. 5). Moscow: tip. M.G. Volchaninova (byvsh. M.N. Lavrova i K°). [In Russian].
- Aksakov, K. S. (1887^b). *Complete Works* (Vol. 6). Moscow: tip. M. G. Volchaninova (byvsh. M.N. Lavrova i K°). [In Russian].
- Aksakov, K. S., Aksakov, I. S. (2010). *Selected Works*. Moscow: Rossiiskaia politicheskaia entsiklopedia (ROSSPEN). [In Russian].
- Astankov, V. A. (2014). *Gosudarstvennaia deiatel'nost' tsesarevicha Aleksandra Aleksandrovicha i ego vospriatie pravitel'svennoi politiki v 1865–1881 gg.* [State Activity of Tsarevich Alexander Alexandrovich and his Perception of Government Policy in 1865-1881] [Dissertation of Candidate of Historical Sciences. Moscow State University, History Department]. Moscow. [In Russian].
- Badalian, D. A. (2013). Polemika o Zemskom sobore v russkoi presse nachala 1880-kh gg. [Debates about the Zemsky Sobor in Russian Press in the Early 1880s]. In *Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. T. 201. Knizhnoe delo vchera, segodnia, zavtra.* [Proceedings of the St. Petersburg State University of Culture and Arts] (Vol. 201: Bookwork Yesterday, Today, Tomorrow). Saint Petersburg. [In Russian].
- Badalian, D. A. (2017). Poniatie "Zemskii sobor" v proizvedeniiax literatury i publitsistiki slavianofilov [The Concept of "Zemsky Sobor" in the Works of Literature and Journalism of the Slavophiles]. In *Istoriia i literatura: Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii* [History and Literature: Materials of the All-Russian Scientific Conference] (pp. 220–230). Saint Petersburg: Kul'turno-prosvetitel'skoe tovarishchestvo. [In Russian].
- Badalian, D. A. (2017). Zagranichnye izdaniia Iu. F. Samarina 1868–1871 gg., tsenzura i F. I. Tiutchev [Foreign Editions of Yu. F. Samarin 1868–1871, Censorship and F. I. Tyutchev]. In *Tsenzura v Rossii: istoriia i sovremennost'. Sb. nauchnykh trudov* [Censorship in Russia: History and Modernity. Collection of Research Papers] (Vol. 8, pp. 112–138). Saint Petersburg: RNB. [In Russian].

Badalian, D. A. (2018). Zhurnalists, obshchestvennoe mnenie i vlast': izdaniia M. N. Katkova v "tsarskikh obozreniakh" 1860–1866 godov [Journalist, Public Opinion and Power: Publications by M. N. Katkov in the "Tsar's Reviews" of 1860–1866]. *Tetradī po konservatizmu*, (3), 89–118. [In Russian].

Badalian, D. A. (2019). Iu. F. Samarin, slavianofily i bor'ba s "nemetskoi partiei" [Yu. F. Samarin, Slavophiles and the Fight Against the "German Party"]. *Tetradī po konservatizmu*, (2), 41–67. [In Russian].

Badalian, D. A. (2021). V. G. Belinsky-publitsist: metamorfozy v bor'be literaturnykh partii [V. G. Belinsky the Publicist: Metamorphoses in the Struggle of Literary Parties]. In *Russkaia publitsistika: evoliutsiia idei i form: sbornik statei* [Russian Journalism: Evolution of Ideas and Forms: Collected Papers] (pp. 89–109). Saint Petersburg: Aleteiia. [In Russian].

Barsukov, N. P. (1885). Zametka ob A. S. Khomyakove [Note on A. S. Khomyakov]. *Russkii arkhiv*, (9), 158–160. [In Russian].

Barsukov, N. P. (1892). *Zhizn' i trudy N. P. Pogodina. Kn. 6.* [Life and Works of N. P. Pogodin] (Book 6). Saint Petersburg: Tipografiia M. M. Stasiulevicha. [In Russian].

Belinsky, V. G. (1954). *Complete Works* (Vol. 5). Moscow: Izdatelstvo Akademii nauk SSSR. [In Russian].

Belinsky, V. G. (1955). *Complete Works* (Vol. 6). Moscow: Izdatelstvo Akademii nauk SSSR. [In Russian].

Berdyaev, N. A. (1996). *Aleksei Stepanovich Khomyakov*. Tomsk: Vodolei. [In Russian].

Berezkina, S. V. (2004). Vokrug zapreshcheniia zhurnala "Evropetsy" [Around the Prohibition of the magazine "European"]. In *Vremennik Pushkinskoi komissii: Sbornik nauchnykh trudov* [Chronicle of the Pushkin Commission: Collection of Research Papers] (Vol. 29, pp. 226–248). Saint Petersburg: Nauka. [In Russian].

Berezkina, S. V. (2009). "Nemtsy" protiv "Evropeitsa" ["Germans" Against "Europeans"]. *Moskva*, (3), 201–213. [In Russian].

Chaadaev, P. Ia. (1991). *Complete Works and Selected Letters in 2 volumes* (Vol. 1). Moscow: Nauka. [In Russian].

Chernukha, V. G. (1989). *Pravitel'stvennaia politika v otnoshenii pechati 60–70-e gody XIX veka* [Government Policy on Printing in the 1960s and 70s]. Leningrad: Nauka. Leningradskoe otdelenie. [In Russian].

Dmitriev, A. P., Egorov, B. F. (2021). Comments. In *Khomyakov A. S. Complete Works in 12 volumes* (Vol. 1, pp. 486–662). Saint Petersburg: Rostok. [In Russian].

Dmitriev, M. M. (1998). *Glavy iz vospominanii moei zhizni* [Chapters from the Memories of My Life]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. [In Russian].

Dukhanov, M. M. (1978). *Ostzeitsy: Politika ostzeiskogo dvorianstva v 50–70-kh gg. XIX v. i kritika ee apologeticheskoi istoriografii* [Ostsee: Politics of the Ostsee Nobility in the 50s–70s of the 19th Century and Criticism of its Apologetic Historiography]. Riga: Liesma. [In Russian].

Egorov, B. F. (1969). Problema, kotorui neobkhodimo reshit' [Problem that Have to Be Solved]. *Voprosy literatury*, (5), 128–135. [In Russian].

Feoktistov, E. M. (2001). Za kulisami politiki i literatury [Behind the Scenes of Politics and Literature]. In *Za kulisami politiki* [Behind the Scenes of Politics] (pp. 9–254). Moscow: Fond Sergeia Dubova. [In Russian].

Giliarov-Platonov, N. P. (1900). *Collection of Works* (Vol. 2). Moscow: Izd. K. P. Pobedonostseva. [In Russian].

Kazakov, N. I. (1989). Ob odnoi ideologicheskoi formule nikolaevskoi epokhi [On One Ideological Formula of the Nikolaev Epoch]. In *Kontekst–1989: Literaturno-teoreticheskie issledovaniia* [Context–1989: Literary and Theoretical Studies] (pp. 5–41). Moscow: Nauka. [In Russian].

Khomyakov, A. S. (1900^a). *Complete Works* (Vol. 8). Moscow: Univ. tip. [In Russian].

Khomyakov, A. S. (1900^b). *Complete Works* (Vol. 3). Moscow: Univ. tip. [In Russian].

Khomyakov, A. S. (1988). *O starom i novom* [About Old and New]. Moscow: Sovremennik. [In Russian].

Khomyakov, A. S. (1991). Politicheskie pis'ma 1848 goda [Political Letters of 1848] (Publication and notes by V. A. Koshelev). *Voprosy filosofii*, (3), 109–132. [In Russian].

Kireevsky, I. V., Kireevsky, P. V. (2006). *Complete Works* (Vol. 2). Kaluga: Grif. [In Russian].

Lur'e, V. M. (2021). Comments. In *Khomyakov A. S. Complete Works in 12 volumes* (Vol. 8) (197–386). Saint Petersburg: Rostok. [In Russian].

Mazur, N. N. (1997). K rannei biografii A. S. Khomyakova (1810–1820) [To the Early Biography of A. S. Khomyakov (1810–1820)]. In *Lotmanovskii sbornik* [Lotman collection] (Vol. 2, pp. 195–223). Moscow: OGI; Izdatelstvo RGGU. [In Russian].

Myrikova, A. V., Shirinians, A. A. (2007). Rusofobskii mif “pan-slavizma” [Russophobic Myth of “pan-Slavism”]. In *Aktual'nye problemy sovremennogo rossiavedeniia: sbornik nauchnykh statei* [Actual Problems of Modern Russian Studies: Collection of Scientific Articles] (pp. 240–244). Moscow: Kubanskoe otdelenie RFO; Izdatel' A. V. Vorob'ev. [In Russian].

Otzyv arkhiepiskopa Nektariia (Nadezhdina) o vtorom tome sochine-nii A. S. Khomyakova [Review of Archbishop Nektary (Nadezhdin) on the Second Volume of the Works of A. S. Khomyakov]. (2019). In *Tsenzura v Rossii: istoriia i sovremennost'. Sbornik nauchnykh trudov* [Censorship

in Russia: History and Modernity. Collection of Research Papers] (Vol. 9, pp. 519–530). Saint Petersburg: RNB. [In Russian].

Parsamov, V. S. (2014). *Russkii XIX vek* [Russian 20th Century]. In *Vsemirnaia istoriia v 6 t.* [World History in 6 volumes] (Vol. 5, pp. 450–503). Moscow: Nauka. [In Russian].

Pis'ma k moskovskim publitsistam [Letters to Moscow Publicists]. (1988). *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Remains], 97(1) (258–430). Moscow: Nauka. [In Russian].

Popov, A. A. (2013). Khomiakov i ego sotsial'naia utopiia [Khomyakov and his Social Utopia]. In *Khomyakov A. S. Filosofskie i bogoslovskie proizvedeniia*. [Philosophical and theological works] (pp. 3–26). Moscow: Knizhnyi Klub Knigovek. [In Russian].

Proskurin, O. A. (2000). *Literaturnye skandaly pushkinskoi epokhi* [Literary Scandals of the Pushkin Era]. Moscow: OGI. [In Russian].

S. S. Gromeka — Gertsenu [S. S. Gromeka to Herzen]. (1955). In *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Remains] (Vol. 62, pp. 105–122). Moscow: Izdatel'svo AN SSSR. [In Russian].

Samarin, D. F. (1889). Foreword. In *Samarin Iu. F. Works* (Vol. 7: Letters from Riga and History of Riga, pp. I–CXXXV). Moscow: Tipografiia A. I. Mamontova i K. [In Russian].

Samarin, Iu. F. (2013). *Collected works* (Vol. 1). Saint Petersburg: Rostok. [In Russian].

Samarin, Iu. F. (2016). *Collected works* (Vol. 3). Saint Petersburg: Rostok. [In Russian].

Sem'ia Aksakovykh i N. S. Sokhanskaia (Kokhanovskaia): Perepiska (1858–1884) [The Aksakov Family and N. S. Sokhanskaya (Kokhanovskaya): Correspondence (1858–1884)]. (2018). Saint Petersburg: Pushkinsky Dom. [In Russian].

Shevchenko, M. M. (2014). “Ofitsial'noi narodnosti” teoriiia [“Official nationality” Theory]. In *Bol'shaia Rossiiskaia entsiklopediia* [Great Russian Encyclopedia] (Vol. 24, pp. 713–714). Moscow: Bol'shaia Rossiiskaia entsiklopediia. [In Russian].

Sukhotin, S.M. (1894). Iz pamiatnykh tetradei S. M. Sukhotina [From the Memory Notebooks of S. M. Sukhotin]. *Russkii arkhiv*, 4(1), 599–610. [In Russian].

Tiutchev, F. I. (2004). *Complete Works and Letters* (Vol. 6). Moscow: Klassika. [In Russian].

Tiutcheva, A. F. (2004). *Vospominaniia* [Memories]. Moscow: Zakharov. [In Russian].

V. [Panov, V. A.]. (1846). *Biografiia Dmitriia Aleksandrovicha Volueva*. [Biography of Dmitry Alexandrovich Voluev]. Moscow: Tip. Avgusta Semena. [In Russian].

Voeikov, D. I. (2007). Iu. F. Samarin. Krupnyi russkii deiatel' pred litsom dvukh gosudarei, 1848–1868 [Yu. F. Samarin. A Major Russian Figure in the Face of Two Sovereigns, 1848-1868]. In *Rossiiskii Arkhiv: Istoriia Otechestva v svidetel'stvakh i dokumentakh XVIII–XX vv.: al'manakh*. [Russian Archive: History of the Homeland in Evidence and Documents of the 18th — 20th Centuries: Almanac] (Vol. 16, pp. 713–721). Moscow: Rossiiskii fond kul'tury, Studiia "Trite" Nikity Mikhalkova, Rossiiskii arkhiv. [In Russian].

Volkov, V. K. (1969). K voprosu o proiskhozhdenii terminov "pan-germanizm" i "panslavizm" [On the Question of the Origin of the Terms "pan-Germanism" and "pan-Slavism"]. In *Slaviano-germanskie kul'turnye svyazi i otnosheniia* [Slavic-German Cultural Connections and Relations] (25–69). Moscow: Nauka. [In Russian].

Vospominaniia ob Aleksee Stepanoviche Khomyakove [Memories of Alexei Stepanovich Khomyakov]. (2004). *Nashe nasledie*, (71), 91–94. [In Russian].

Zapiska tsenzora arkhimandrita Fotiia (Shchirevskogo) o vtorom tome sochinenii A. S. Khomyakova. [Note of the Censor Archimandrite Photius (Shchirevsky) on the Second Volume of the Works of A. S. Khomyakov]. (2019). In *Tsenzura v Rossii: istoriia i sovremennost'. Sbornik nauchnykh trudov* [Censorship in Russia: History and Modernity. Collection of Research Papers] (Vol. 9, pp. 516–517). Saint Petersburg: RNB. [In Russian].

Zykov, S. P. (1910). Nabroski iz moei zhizni [Sketches from My Life]. *Russkaia starina*, (6), 483–525. [In Russian].